

Прямая речь

С этого номера на страницах «Сибирских огней» будет появляться новая рубрика — «Прямая речь». Героями ее станут неравнодушные, увлеченные люди, преданные своему делу, своей профессии и своим собственным убеждениям. Иными словами — это прямой разговор о жизни, о судьбе, о нынешнем и прошедшем времени.

Открывает нашу новую рубрику беседа известного новосибирского журналиста Андрея Челнокова с Владимиром Николаевичем Алексеевым, человеком, который верой и правдой служит Книге. В нынешнем августе ему исполняется 80 лет, и мы от всей души поздравляем нашего автора с юбилеем и ждем новых встреч с его работами в нашем журнале.

Будь здрав, дорогой Владимир Николаевич!

Михаил ШУКИН

Владимир Алексеев: «ВСЕ МЫ НЕМНОЖКО СТАРООБРЯДЦЫ!..»

— Если бы не Великая Отечественная война, я бы, наверное, не родился. Причина очень простая: отец и мама познакомились на фронте. Мама воевала с осени 1941 года. В числе многих других москвичей и москвичек она добровольцем пошла защищать Москву от подступавших к ней немцев.

Мои родители оказались в одной воинской части, познакомились и полюбили друг друга. В результате на свет появился я! Случилось это под гром первого салюта, который был устроен над столицей в ночь с 5 на 6 августа 1943 года в честь победы советского оружия на Курской дуге.

— Ваш отец тоже был добровольцем?

— Нет, он служил срочную службу в Красной армии. Его призвали в 1938 году с третьего курса Саратовской консерватории. Срочная служба в те времена длилась три года. Весной 1941 года отец надеялся уйти в запас и продолжить обучение музыке. Но страна ощущала близость войны, и потому отслуживших срочную службу в то время в запас не увольняли...

Когда на страну напали фашисты, его как старослужащего отправили на двухнедельные курсы командиров стрелковых взводов. После чего, как он любил говорить: «кубаря в петлицу» и на фронт. В звании младшего лейтенанта на должность командира пехотного взвода...

Командир пехотного взвода в начале войны был фактически смертником, но моему отцу повезло — он прошел всю войну и остался жив. Вернулся с семью ранениями — четырьмя тяжелыми и тремя легкими. У него на кителе были нашивки за ранения: четыре красные, три желтые... Детская память очень цепкая, и впечатления детства западают в душу на всю жизнь. Например, я никогда не забуду, как он приехал домой после Победы...

Мама после того, как я появился на свет, в армию не вернулась и занималась моим воспитанием. Жили мы в Москве у бабушки в комнате площадью не то 12, не то 14 квадратных метров. На этой крохотной территории размещались шесть человек — бабушка, мама, я и мамыны сестры: тетя Люся, тетя Надя и тетя Оля! Среди соседей по коммунальной квартире мне больше всех запомнился Михаил Иванович Крыштан, который служил в оркестре Большого театра. По утрам он репетировал, играл на тубе, издававшей низкие рычащие звуки. Огромная изогнутая медная труба звучала на весь дом, но никто и не думал возмущаться.

В те времена люди, жившие в коммунальных квартирах, относились друг к другу как к членам одной семьи. Знали о друг друге практически все, сочувствовали, сопереживали... Переругивались беззлобно, по-свойски. Каждая коммунальная квартира была одним общественным организмом. Как, наверное, и вся страна!

Отец закончил войну в Праге. Его дивизию в мае 1945 года развернули на столицу Чехословакии, как только там началось антифашистское восстание. Оно было бы подавлено гитлеровцами, не подоспей к Праге Красная армия. Пражская операция продолжалась с 6 по 11 мая. За эти пять дней там погибло около 12 тысяч советских солдат, 38 тысяч были ранены. Войну отец завершил командиром батальона в звании капитана.

После окончания войны папа привез домой несколько черно-белых, плохонько отпечатанных открыток с видами Праги. Маленького меня эти немудрящие картинки зачаровывали невиданной мной ранее архитектурой. Я часами мог разглядывать Вацлавскую площадь, Карлов мост, Староместскую площадь, Пражские куранты... Я представлял себе, как путешествую по Чехословакии. Детская фантазия разыгрывалась настолько ярко, что никакие нынешние виртуальные путешествия с моими мальчишескими грезами сравниться не могут!

Поездка в Прагу с целью вживую увидеть эти красоты была мечтой всей моей жизни! Не так давно мы с женой съездили в Чехию на неделю, прошли по пражским достопримечательностям, где я мысленно беседовал с отцом...

Война унесла немыслимое число жизней. Но еще большее число жизней и судеб она коренным образом изменила. Кому-то со знаком плюс, а кому-то со знаком минус. Ко второй категории людей относился мой отец. Я уже говорил, что в армию его призвали студентом консерватории. Семь лет перерыва и семь ранений для человека, стремившегося посвятить себя музыке, — это полная профессиональная дисквалификация! Поэтому о продолжении обучения музыкальному искусству и о карьере музыканта уже не было никакой речи. К маю 1945 года мой отец на высоком профессиональном уровне умел только воевать. Поскольку ему было нужно кормить семью, предложение стать военным педагогом было воспринято с энтузиазмом.

Его направили учиться в Ленинград в Высший военно-педагогический институт имени М. В. Калинина. Размещался этот вуз на Лермонтовском проспекте, в бывшем здании Николаевского кавалерийского училища. В его стенах в свое время учились такие выдающиеся сыны Отечества, как Михаил Юрьевич Лермонтов, Модест Петрович Мусоргский, Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский...

Пока папа учился в военном институте, мы с мамой, можно сказать, жили в поезде Москва — Ленинград — Москва. В Северной столице ему дали скромное жилье. Помещение в шестнадцать квадратных метров было разделено пополам фанерной перегородкой, и одна из половин досталась во временное пользование отцу. Хорошо запомнилась голландская печь, которая отапливала разделенные фанерой комнатухи. Мы с соседями топили ее по очереди...

У Высоцкого в песне «Баллада о детстве» есть слова: «...на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». В коридоре здания, где жил отец, комнат было больше пятидесяти. А уборная, как и кухня, — тоже одна... Жить там всей семьей, включая недавно родившуюся сестру Люду, было трудновато. Потому значительную часть времени мы жили в Москве, а в Ленинград приезжали «на побывку».

Свой первый учебный год я отучился в московской школе. После окончания института папа получил звание майора и назначение в Уральский военный округ. Никто из нашей семьи не подозревал, что это надолго...

После окончания мной первого класса мы с мамой отправились к отцу в Молотов (так тогда назывался город Пермь). Но там задержались всего на год. Через год отца перевели в Свердловск (ныне Екатеринбург), где он преподавал на Высших офицерских курсах «Выстрел» и в Свердловском суворовском военном училище.

В конце 1950-х, когда генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев принялся сокращать армию, отца «вычистили» из вооруженных сил в звании подполковника. К моменту увольнения ему было около сорока лет. А умер всего на 52-м году жизни.

— **Ранения, очевидно, сказались?**

— Конечно! У него в ноге остались осколки, которые хирурги не смогли вынуть в полевом госпитале. Время от времени они причиняли беспокойство и отцу приходилось ходить с палкой. Сегодня представить себе российского офицера, хромающего и ходящего на службу с тростью, просто невозможно! В те годы это было неудивительно... В память о родителях я со своим внуком Матвеем стараюсь каждый год 9 мая ходить на акцию «Бессмертный полк».

В одном из старых советских фильмов героиня, вспоминая кого-то из ушедших близких, говорит: «Жаль, что мы не умеем быть вовремя благодарны!» Как это верно сказано! Я бы еще добавил: «Как жаль, что не умеем быть вовремя внимательны!» Все, что с нами происходило, мы воспринимали как должное... Только когда уже ничего и никого не вернешь, задним умом начинаем давать оценку людям, их поступкам и событиям...

— **К сожалению, вы правы... А как ваша мама? Не работала?**

— Отчего же?! Тогда все работали! Моя мама всю жизнь была бухгалтером-экономистом. Расстаться с этой профессией не могла очень долго — завершила свой трудовой стаж в возрасте далеко за семьдесят. Когда она ушла от нас, ей шел девяносто девятый год. До конца жизни она была бодра и находилась в твердой памяти. Участковые врачи, присматривавшие за мамой на склоне ее лет, называли ее «бабушкой, которая работает на компьютере». Мама удивительно хорошо освоила эту непростую для стариков премудрость. Могла найти последние новости, посмотреть фильм, сыграть в какую-нибудь игру. Однако «стратегий», в отличие от правнуков, не любила.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ КНИГИ!

— **Ваш отец — военный, мама — бухгалтер-экономист, а вы — ярко выраженный гуманитарий... Что формировало ваши наклонности?**

— Во всем повинны книги! Одно из самых первых и ярких впечатлений дошкольного возраста — московский книжный магазин, в котором работала

София Ивановна, моя мама, перед уходом на фронт. Москва, октябрь 1941 г.

Николай Михайлович, мой отец, на действительной службе в Красной армии. Львов, 1938 г.

Первый день по возвращении отца с фронта в Москву. Он приехал вместе со старшиной своего батальона. Москва, лето 1945 г.

Мама и отец (справа от нее) с сослуживцами. Калининский фронт, начало 1943 г.

Отец в последние месяцы войны. Весна 1945 г.

Моя бабушка Агриппина Антоновна, мама и я. Москва, 1944 г.

Семейство Алексеевых — мама, папа, сестренка Люда и я. Двор бывшего Николаевского училища. Ленинград, конец 1940-х гг.

Мама перед уходом на фронт с сестрой Надеждой. Москва, октябрь 1941 г.

Мама с фотографией более чем 60-летней давности. Новосибирск, 2014 г. Фото Юлии Бернуховой.

мамина сестра тетя Надя. Тетя порой брала меня с собой на работу. В этом магазине я еще дошкольником стоял за прилавком! Я не продавал книги в буквальном смысле слова, но охотно давал советы, какую «взрослую» книгу стоит приобрести... Читать я выучился задолго до школьного возраста. Читал все подряд и имел представление о новинках, лежавших на прилавках. С одной стороны, это забавно. С другой... только со временем начинаешь понимать, насколько показателен этот пример для советской эпохи! Мальчик из простой семьи еще до школьной парты знал не только Самуила Маршака, Сергея Михалкова и Агнию Барто, но и таких «взрослых» писателей, как Горбатов и Панферов!..

Тогда очень многие запоем с младых ногтѣй читали все подряд! Не поверите, но любую купленную в магазине книгу тогда заворачивали в бумагу и перевязывали шпагатом как ценную покупку!

— Неужели заворачивали?!

— Было!.. (Смеется.) Я в детстве довольно лихо заворачивал людям приобретенные ими книги.

Со чтением было сложнее. При шестерых жильцах на 12 квадратных метрах мы не могли себе позволить сколь-нибудь значительную библиотеку. Из мебели были только две кровати, диван и небольшой платяной шкаф. В шкафу хранился тюфячок, который я расстилал в ночь на полу. Диван тети Нади был также хранилищем ценных вещей для всей семьи. В его чреве среди прочего лежала небольшая коллекция книг. Тетя Надя с большим трепетом к ним относилась. Для меня всегда был праздник, когда она открывала диван и доставала оттуда какую-нибудь чудесную книгу. Например, «Малахитовую шкатулку» Бажова!.. К каждому сказу было по несколько картинок. Полноцветные иллюстрации были вырезаны, наклеены на паспарту и проложены... (Задумывается, пытается подобрать слово.)

— ...Папиросной бумагой?

— Что вы! Это была какая-то удивительная полупрозрачная бумага с тисненым, сродни водяному знаку, рисунком или орнаментом... Такое великолепие!

Я эту книгу много раз прочитал от первой до последней строчки. Врезались в память даже выходные данные: «Государственное издательство художественной литературы. Типография Т-237». Помню, я думал: «Что же это за типография такая — “Т-237”»? Эту загадку мне удалось разрешить только в зрелом возрасте. Так обозначалась типография в Германии, которая была отдана Советскому Союзу в счет репараций по итогам Великой Отечественной войны и работала на нужды нашего Отечества.

В силу специфики службы отца учиться мне довелось в нескольких школах. Первым делом в каждом новом учебном заведении я записывался в библиотеку. Но очень скоро мне стало не хватать того, что могла предложить школьная библиотека. Уже в Свердловске я упросил отца записать меня в библиотеку окружного Дома офицеров. Его здание внушало трепет своими масштабами и красотой — башенка со шпилем, колонны, скульптура на фронтоне, — из двухэтажного деревянного барака все это представлялось реальным воплощением книжных представлений о старинных рыцарских замках. А в библиотеке свободно стояли все литературные журналы той поры, книги Ремарка и Хемингуэя, тома Фейхтвангера, Томаса и Генриха Маннов, Фенимора Купера, Джека Лондона и Вальтера Скотта. Кроме того, я был записан и в районную библиотеку...

Отец тоже любил читать. Как-то в двух вещмешках он принес гору книг, списанных из библиотеки некоей расформированной воинской части. То была литература специфического характера, но я и это читал с увлечением! Помню, как изучал труды генерал-фельдмаршала германской армии Мольтке-старшего, изданные в СССР в 1930-е годы... (Смеется.) Слава богу, мне удалось пережить период бессистемного чтения.

— **Вы были заядлым книгоглотателем!**

— Практически все мои товарищи были тоже увлечены чтением. Чтение в то время зримо, даже осязаемо, открывало нам мир, в котором мы живем. Так складывалось мировоззрение школьника в послевоенные годы, когда не было ни телевидения, ни интернета...

Тогда книги были великим счастьем! Читая, мы становились взрослее, опытнее, пусть даже теоретически... Но и на практике самостоятельности нам было не занимать. Меня уже с пятого класса одного отправляли на поезде из Свердловска на летние каникулы к бабушке в Москву. На свердловском вокзале меня сажали в вагон. В Москве — встречали... Поезд в то время шел двое суток. Нынешние дети намного инфантильнее школьников 50-х годов прошлого века!..

— **Быть может, потому, что мало читают?..**

— Вполне возможно. Когда читаешь, развиваешь мышление, фантазию, узнаешь мир с точки зрения автора, принимаешь или отвергаешь его позицию. Сначала в процессе чтения, а затем в процессе собственного бытия формируется личная позиция человека. Читая про Робинзона Крузо, маленький человек вместе с героем проживает его жизнь и получает не только навыки выживания в экстремальной ситуации, но и опыт познания, осмысления и освоения окружающего мира. Вычитанная, воспринятая из книги коллизия, проецируясь на текущие события, дает нам алгоритм наших действий!

— **Согласен. Но расскажите о ваших летних поездках в Москву в детстве.**

— На самом деле за лето я часто успевал побывать в пионерском лагере и в военном лагере, куда мы ежегодно выезжали к отцу. Там был весь набор детских летних развлечений и игр: городки, лапта, прятки, казаки-разбойники, купание в речке, сбор ягод и грибов на зиму.

А поездка в Москву — совершенно особое событие. Я ехал не просто в мегаполис, а к любимой родной бабушке (так случилось, что я не застал в живых ни одного своего деда)! Ехал в дом, где рос до второго класса. На малую родину, как бы это забавно ни звучало по отношению к Москве.

Там, в 3-м Самотечном переулке, мне все было дорого. Соседи, дворовые друзья, каждое дерево, каждый закоулок... Через два переулка от нашего дома находился театр знаменитого дрессировщика Владимира Леонидовича Дурова. В «Уголок дедушки Дурова», как его называли, детей пускали бесплатно. Моя мама тоже выросла здесь. Получалось, что бабушкина комнатка в коммунальной квартире — это не просто малая родина, а родовое гнездо, вотчина!..

Кроме того, в Москве можно было ходить по музеям, театрам, выставкам и фестивалям, смотреть и слушать знаменитостей, чьи имена со временем превратились в культурное достояние человечества. Сегодня в это трудно поверить, но даже я, мальчишка, мог за небольшие деньги попасть в Большой театр или послушать вживую выступление Святослава Рихтера. Однажды он даже выступил на летней эстраде парка имени Горького!

— Великий Рихтер — на открытой эстраде в парке?! Вы ничего не путаете?

— Я сидел в первых рядах и видел его так, как сейчас вас. В то время в той стране это было возможно. Я даже помню, что он исполнял Второй фортепианный концерт Брамса. Благодаря Святославу Теофиловичу во мне зародилась любовь к классической музыке... Вживую классика воспринимается вовсе не так, как в записи. Но гораздо больше меня потрясли овации, которые благодарная публика устроила Рихтеру! Я сидел или стоял (не помню уже) совершенно огушенный музыкой и тем, как окружающие люди реагировали на нее... Совершенно не ожидал, что существуют люди, способные воспринимать классическую музыку и мастерство исполнения так глубоко! Они понимали Рихтера и Брамса глубже и тоньше, чем я. Меня ожидала напряженная кропотливая работа над постижением пока недоступного мне мира музыки...

После аплодисментов Рихтер сыграл коду концерта. Овация грохнула еще сильнее. Он встал на поклон, и я увидел, как с лица его капает пот — столько физических и душевных сил он вложил в этот концерт... Но зал не хотел отпустить великого музыканта. Казалось, он еще пару часов будет стоять на эстраде и кланяться, а люди продолжают аплодировать... Это тоже производило огромное впечатление.

Чтобы выйти из этого положения, администрация парка включила запись финала только что прозвучавшего концерта Брамса. Только тогда публика отпустила обессилевшего музыканта со сцены. Я еще долго осмысливал увиденное и услышанное. С тех пор к классической музыке отношусь более чем серьезно...

Не так давно, в год столетия отца, мне удалось побывать в Праге. Из Праги я решил съездить в Дрезден, чтобы посмотреть шедевры Дрезденской картинной галереи. Как оказалось, из всей нашей небольшой группы я был единственным, кто был знаком со всеми ее картинами!.. Собрание Дрезденской галереи я имел счастье видеть в Москве в 1956 году, когда гостил у бабушки на каникулах. В Музее изобразительных искусств имени Пушкина была выставка этих живописных сокровищ. Это было что-то невероятное! Мне пришлось выстоять многочасовую очередь, чтобы попасть на эту выставку! Для тех времен такое явление, как очередь в музей длиной почти до Боровицкой площади, — большая редкость!

Когда Красная армия в мае 1945 года вошла в Дрезден, все картины Дрезденской галереи, упакованные в ящики, были приготовлены фашистами к эвакуации и спрятаны в сыром подzemелье. В плачевном состоянии картины были вывезены в Советский Союз, 16 лет они находились в Москве. Все это время лучшие реставраторы страны кропотливо трудились над восстановлением пострадавших мировых шедевров. Когда был организован Совет экономической взаимопомощи и подписан Варшавский договор, картины было решено вернуть в ГДР.

Когда в Дрездене я сказал молодому экскурсоводу, что видел эту выставку в Москве в 1956 году, он посмотрел на меня, словно на Мафусаила... (Смеется.)

...Еще я помню, что, когда мне было пять-шесть лет, мы с бабушкой ходили на выставку подарков Сталину, сделанных народами мира к его 70-летию. Лев Толстой говорил, что помнил себя с самого рождения. А я помню себя со времен окончания войны, возвращения отца с фронта и с выставки подарков Сталину! (Смеется.)

— Получается, вы были рафинированным ребенком?! В общественном сознании укоренилось, что дети войны были в определенной степени шпаной...

— Мы тоже хулиганили. Помню, как после Нового года, когда ставшие ненужными елки уже валялись на помойках, мы взяли одну такую, привязали к ее комлю две веревки и, спрятавшись за сугробами с двух сторон дороги, издевались над подвыпившим прохожим. Он шел, покачиваясь, а мы эту ель перетягивали, и она оказывалась у него на дороге. Он давай ее снова обходить, а мы опять елку сдвигаем в его сторону! Смешно было...

— Если бы все малолетние хулиганы послевоенного Советского Союза «хулиганили» подобным образом!

— Тем не менее мне за тот поступок до сих пор стыдно... Что касается моего дальнейшего соприкосновения с миром музыки, то оно вскоре получило свое продолжение. В нашей семье появилась ламповая радиолка «Ригонда». Для того времени она была «писком моды»: полированная, на фигурных «паучьих» ножках, с двумя динамиками и проигрывателем для виниловых пластинок на 33 оборота.

Я еще не был самостоятельным человеком, но кое-какие деньги иногда зарабатывал. Например, после седьмого класса мы работали в колхозе, пропалывали овощи в поле и получили там за труды — страшно подумать! — по триста рублей дореформенными сталинскими дензнаками. Редкие заработки и небольшие карманные деньги от родителей я стремился консолидировать, чтобы иметь возможность покупать книги и пластинки с записями музыкальных произведений.

Мой интерес к музыке подогревался примером отца, который, окончив консерваторию, наверняка бы стал талантливым музыкантом. Сужу это по тому, что для него не существовало музыкального инструмента, на котором он не сумел бы что-нибудь исполнить. Папа мог сыграть даже на инструменте, к которому прежде не прикасался! Этот талант меня поражал и приводил в почти священный трепет... Однажды в отпуск родителей мы всей семьей поехали на пароходе в путешествие по Каме и Волге, от Молотова (Перми) до Астрахани и обратно. У нас была отдельная каюта, а обедали мы в кают-компании на корме парохода. Там стоял небольшой кабинетный рояль. Перед каждым обедом отец садился за него и импровизировал, преображая всем известные мелодии, украшая их, соединяя друг с другом собственными пассажами, меняя темпоритм так, что они звучали совсем по-иному, чем в классической подаче. Не было никаких нот, все рождалось сию минуту, и слушатели ощущали себя причастными к чуду явления музыки...

УЧИТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ В УЧЕНИКАХ

— Огромную роль в становлении моего мировоззрения также сыграли школа и учителя. Школу я оканчивал в Свердловске и по сей день благодарен судьбе за то, что мне так повезло. Средняя школа № 37 для мальчиков была уникальна! Достаточно сказать, что большинство учителей там были мужчинами. Школьное образование в СССР с 1943 по 1955 год было раздельным. До сих пор считаю, что раздельный метод обучения более органичен для человеческой природы.

Почти все наши учителя прошли фронт. Математику вел завуч Георгий Петрович Иванов. Строгий на вид, но справедливый и, как я теперь понимаю, душевно отзывчивый и добрый, с пронзительным взглядом из-под колючих бровей. Однажды в какой-то праздник мы с удивлением увидели на его потертом, но идеально отутюженном пиджаке орден Ленина. Это произвело на нас глубокое

впечатление. Орден Ленина при советской власти был высшей наградой государства. Когда кому-то присваивали звание Героя Советского Союза, всегда говорилось: «Наградить орденом Ленина и медалью “Золотая Звезда”». Заметьте, в первую очередь упоминался орден Ленина!

Воевал и учитель физкультуры Виктор Петрович Лысков — небольшого роста, но необычайно ладный и ловко сбитый. Он с подчеркнутым изяществом и легкостью показывал нам прыжки через коня, технику лыжного бега, упражнения на брусьях или стрельбу из пневматической винтовки. Был на фронте и учитель физики.

Я попал в класс, руководителем которого назначили учителя литературы Николая Владимировича Шаталова. Сказать, что он в значительной степени сформировал мои интересы, означает ничего не сказать. Удивительный был человек.

Он отличался спокойными, немного барственными манерами, неторопливой походкой. «Всякий мало-мальски уважающий себя человек никогда не торопится!» — любил повторять Шаталов. Его уроки и поныне вспоминаются как труднодостижимый образец глубины и блеска знаний, мыслей и эмоций, рожденных от общения с любимой литературой и явленных в непринужденной и доходчивой для подростков форме школьного урока. Особенно любил Николай Владимирович французскую литературу. Учитель знал о всех важнейших событиях культурной жизни Франции — он еженедельно покупал воскресный цветной выпуск газеты французских коммунистов «Юманите».

В восьмом классе у нас родилась искусно направляемая учителем идея о совместной поездке в Ленинград, пушкинский Петербург. Чтобы заработать деньги на поездку, мы, все мальчишки класса, после уроков ходили на разгрузку товарных вагонов. Поездка получилась удивительной. Северная Пальмира, одухотворенная рассказами Николая Владимировича о пушкинском, достоевском, блоковском, гоголевском, чайковском Петербурге, перемежавшимися цитированием любимых текстов, открылась нам с совершенно новой стороны.

Сегодня я гораздо глубже, чем в школьные годы, понимаю роль литературы в жизни России. Но на идею, которая освещала русскую духовную жизнь прошлых веков, впервые обратил внимание многих своих учеников именно учитель словесности Николай Владимирович Шаталов. В истории России литература служит обществу фундаментом, на основе которого русский народ созидает свое Бытие.

В нашей школе преподавание русской литературы непринужденно соединялось с опытом русской национальной жизни, отраженным отечественной словесностью... Благодаря прививаемому учителем личному восприятию нам стали открываться сокровенные смыслы, за которыми таились неожиданные открытия и озарения. За время своего учительства Николай Владимирович выпустил в жизнь многих достойных людей, включая артиста Александра Демьяненко, музыканта, композитора Вадима Бибергана...

Таким образом, учитель продолжает существовать в учениках, как и родители продолжают в детях!

А МОГ СТАТЬ ХОРОШИМ СТРОПАЛЬЩИКОМ

— После получения аттестата зрелости перед вами не было сложного выбора, с какой сферой деятельности связать свою судьбу?

— С восьмого класса меня вместе с моим задушевным другом-одноклассником Володей Тороповым тянуло к занятиям «святым искусством». Мы ходили на

концерты в филармонии, театральные спектакли, несколько лет посещали занятия в бесплатном Народном университете культуры. Нас вдохновляли талантливые рассказы лекторов об искусстве, художниках, великих картинах. Мы мечтали о занятиях искусством, не строя планов типа «поступить в театральный» или «учиться в Академии художеств».

В год нашего окончания школы было объявлено о первом наборе на искусствоведческое отделение филологического факультета Уральского университета. Конечно, мы отправились подавать документы туда.

Первый набор абитуриентов на эту интереснейшую дисциплину собрал несметное количество желающих поступить. Я сдал все экзамены и был зачислен в число студентов на вечернее обучение. Дневного в то время не было.

Вечерники и заочники должны были где-то трудиться. Мы с Володей взяли пример с героев повести Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды» о строительстве гидроэлектростанции на Ангаре и устроились разнорабочими в 33-й строительный трест. Атмосфера того времени была исполнена духом созидания, литература активно поддерживала этот настрой. Поэтому со стороны родителей, знакомых и близких мы встретили понимание нашего выбора.

Мы попали в бригаду, которая начинала возведение четырехэтажного кирпичного здания НИИ огнеупоров. На новом поприще мы сделали «маленькую карьеру»: получили квалификации каменщика-монтажника и стропальщика. В свете начавшегося в стране бума крупнопанельного домостроения эти специальности были очень востребованными. Я проработал на стройке целый год, пока не встретил на улице нашего бывшего учителя рисования.

— Ты с ума сошел?! — возмутился он, узнав, что я подался в строители. — Я в школе задыхаюсь от нагрузки! Мне давно требуется помощник! Немедленно увольняйся и переходи работать в школу!

Так я перешел в школу. В пятых классах вел уроки рисования, а в седьмых — черчение...

— **У вас есть еще способности к живописи?**

— Я всегда увлекался всем, что связано с творчеством. В школе я проработал полный учебный год и работал бы еще, но в один прекрасный момент мне по знакомству предложили место экскурсовода в Свердловской картинной галерее. Нужно ли говорить, что я с радостью дал согласие?! Я был не женат, жил с родителями, и зарплата в сто рублей казалась вполне достаточной.

Через полгода, в 1963 году, меня «произвели» в научные сотрудники, и я взялся за работу, которая простаивала с конца сороковых годов. Требовалось создать каталог живописи собрания Свердловской картинной галереи. Тогда она помещалась в двухэтажном купеческом доме начала XX века.

Надо сказать, что все сотрудники галереи были обязаны водить экскурсии. Некоторые не любили сей процесс и относились к нему формально. Мне же нравилось, когда безликая поначалу толпа экскурсантов вдруг начинает задавать осмысленные вопросы, оживать заинтересованными взглядами... Такой отклик на результаты твоего труда приносит глубокое моральное удовлетворение.

Между тем учеба шла своим чередом; она была выстроена настолько мудро и гармонично, что новые знания мы постигали без особых усилий.

К защите дипломной работы в вузе я завершил работу над каталогом в галерее. Он был издан в Ленинграде в издательстве «Художник РСФСР» объемом 24 печатных листа...

Выпускной, 10 «А» класс 37-й средней школы г. Свердловска. Я крайний справа в первом ряду.
Третий справа — Н. В. Шаталов, учитель литературы и наш классный руководитель.
Второй слева — Г. П. Иванов.

Володя Торопов,
задушевный друг,
будущий архитектор.
Свердловск, 1960 г.

В Свердловской картинной галерее у чудесного
этюда Константина Коровина. 1963 г.

Елена Ивановна
Дергачева-Скоп в
начале сибирского
периода своей
научной и
педагогической
деятельности. Она
является одним
из инициаторов
археографических
исследований в
Сибири, в будущем
профессор, доктор
филологических наук,
основатель научной
школы и уникальной,
не имеющей аналогов
в мире, кафедры
древних литератур
и литературного
источниковедения
Новосибирского
государственного
университета.

Владимир
Владимирович
Кусков, профессор,
ученик Н. К. Гудзия,
автор вузовских
учебников
по древнерусской
литературе.

Новосибирск, во многом благодаря многолетней
археографической работе, становится городом,
обладающим богатейшими коллекциями и ма-
териалами книжной культуры прошлого. Здесь
новонайденный Апостол первопечатника Ивана
Федорова, выпущенный во Львове в 1574 г.

«НЕ МОГУ УЧАСТВОВАТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЦИРКА ШАПИТО!»

— Некоторые утверждают, что российскую высшую школу благополучно зарезали...

— Возможно. При нынешней системе обучения — галопом по Европам — будущие специалисты выносят из вуза не глубокие знания, а бумажку, именуемую дипломом! Одни делают вид, что получают высшее образование, а другие — что дают его! В итоге в проигрыше и те, и другие!

— А не драматизируете ли вы ситуацию?!

— Мне нет нужды драматизировать! У нас в стране сейчас абсолютно все делается с точки зрения личных корыстных интересов. Общественные интересы искоренены полностью. Почему сегодня выпускники школы не имеют элементарных навыков самостоятельного мышления? Они не могут решить простейшую задачу, описать в нескольких словах какой-то предмет... То, что раньше ребенок осваивал в детском саду, сегодня он делать не умеет, даже сдав ЕГЭ! Сами критерии, по которым сегодня выявляются знания, вызывают сомнения в своей объективности и адекватности.

Моя бывшая студентка, а ныне коллега по преподавательской работе, рассказала один случай. Ее сынишка пошел в первый класс. Между первым «А» и первым «Б» устроили состязание по творчеству детского писателя Николая Носова. Предметом конкурса были вовсе не затрагиваемые писателем моральные проблемы. Выиграл класс, в котором вспомнили, как звали собаку в одном из рассказов Носова... Сколько матросов было на корабле Робинзона Крузо? Какой породы была собачка Герасима из рассказа «Му-му»? Вот на какие вопросы отвечают на экзаменах современные дети!..

Таковы плоды отечественного просвещения, имеющего целью формирование — цитирую: «...не человека-творца, а грамотного потребителя» (А. А. Фурсенко, в 2004—2012 гг. министр образования и науки Российской Федерации, ныне советник президента России).

В основной своей массе современные школьники не в курсе, что зачастую литераторы влияли на ход истории. Так, Даниель Дефо «Робинзоном Крузо» в определенной степени подготовил почву для идей Великой французской революции!

В XVIII веке очень популярной в умах мыслителей и литераторов была идея так называемого естественного человека и прав, принадлежащих ему по праву рождения. Написав историю Робинзона Крузо, брошенного судьбой в первозданную природу, Дефо лишь облек эту идею в литературную форму. Далее эту идею подхватили столпы философской мысли Европы, включая Жан-Жака Руссо... Ему принадлежат слова «Человек рожден свободным». Он был убежден в том, что все люди равны, а общество подавляет это равенство, делая человека рабом своих устоев. А первый законодательный акт, принятый в эпоху Великой французской революции, назывался Декларация прав и свобод человека и гражданина! Уже в двадцатом веке была подписана Всеобщая декларация прав человека. Ее первая статья гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своих правах...»

Даже в России в начале XVIII века по велению Петра Великого была издана книга Самуэля фон Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному». Получается, что русским людям эта идея не была

безразлична! Если бы Господь отпустил Петру больше лет жизни, то мы могли бы сегодня говорить о попытке модернизации России в начале XVIII века.

— **Общепризнана не просто попытка со стороны Петра I, но сам свершившийся факт модернизации!**

— У меня на этот счет иное мнение. Система власти, управление государством, характер экономики, социальные отношения в обществе в результате петровских преобразований не поменялись. Абсолютная монархия и крепостное право как были до него, так и остались. Новая, более совершенная форма экономических и общественных отношений тоже не появилась. То, что делал Петр, это была «революция сверху». До модернизации так и не дошло.

Для чего нам с вами нужна история? Для того чтобы лучше разбираться в том, что происходит сегодня. Когда в наше время только ленивый не толкует о модернизации, мне делается смешно. Ведь этот процесс должен охватывать все сферы существования общества — государственное управление, экономику, социальную сферу, политику, общественный строй... А наши современные модернизаторы имеют в виду лишь обновление машинного и компьютерного парка.

Петровские реформы служат своеобразным камертоном для определения сути происходящего сегодня. Поскольку живем тоже в особенное, драматичное время, когда одни общественные цели ушли, а другие так и не появились. Трагедия не в том, что мы отказались от построения общества всеобщего благоденствия, светлого коммунистического завтра. А в отсутствии основ, цементирующих общество. Пока их нет, ни о каких реформах и модернизации не может быть и речи.

— **Выходит, в России за всю ее историю была лишь модернизация 1917 года?**

— Нет, две! Первая была начата в 988 году князем Владимиром при Крещении Руси... Тогда из практически первобытно-общинного состояния славянские племена посредством «революции сверху» были ввергнуты в феодализм. Что удивительно, все началось не с экономики, а с идеологии! И процесс не заглох с уходом из жизни его инициатора!

— **В контексте этой беседы я не могу не задать вопрос: то, что случилось с нами в 1991 году, — модернизация наоборот? И сейчас происходит углубление этой демодернизации?**

— На самом деле да. Хотя появилось больше возможностей нивелировать последствия этого процесса. Сделать его не таким катастрофичным...

— **Помнится, в перестройку деятели культуры не переставали бомбардировать разрушающуюся КПСС требованиями: «Уберите цензуру!», «Снимите идеологические шоры!», «Дайте проявиться плюрализму в творчестве!». Казалось, лишь это случится, отечественная культура «наваяет» нам столько шедевров, что представители эпохи Возрождения умрут второй раз от зависти... Цензура рухнула более тридцати лет назад! Где шедевры? Или мы «не в тренде»?**

— Чтобы ответить на этот вопрос, поразмыслим над тем, что мы называем русской классикой. Что объединяет столь разные творения, как «Капитанская дочка» Пушкина и «Герой нашего времени» Лермонтова, «Война и мир» Толстого и «Братья Карамазовы» Достоевского, «Очарованный странник» Лескова

и «Отцы и дети» Тургенева. Почему эти произведения до сих пор способны определять духовное состояние русских людей; ближние и дальние перспективы нашего общественного и личного развития. Только с этим пониманием можно попробовать сформулировать то, что называется национальной идеей и определить историческую миссию нашего народа.

Спросите себя: «Есть ли в современной России хотя бы один писатель, ставящий своим творчеством цель стимулировать читателя к совершенствованию собственного духовного состояния?» Ответили ли мы сами себе на вопросы, которые задают не испорченные цивилизацией персонажи таитянского полотна Поля Гогена: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?». В действительности речь здесь идет о доказательстве принадлежности живых существ к виду *Homo sapiens*: если мы в состоянии ставить перед собой такие вопросы и искать ответы на них — значит, годны состоять в этом виде. А на нет — и суда нет, «падитесь, мирные народы...».

— Когда мы говорили об образовании, упоминались стимулы для развития любой сферы деятельности общества. Что вы можете сказать о культуре?

— Современное российское государство сумело увидеть системную ошибку советских времен в отношениях власти с творческой интеллигенцией. С позиции собственных ценностей оно сделало вывод, что усилия деятелей культуры не оплачивались (!) соразмерно их личным представлениям о своем таланте. В этом причина фрондерских настроений в культуре. Когда последний генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев расшатывал все, что мог расшатать, его первой поддержала именно фронда!

Вспомнить разрушительные для общественного сознания фильмы «Так жить нельзя» Говорухина, «Пирсы Валтасара» Юрия Кары или «Покаяние» Тенгиза Абуладзе... В эту же корзину ложится Юрий Поляков с ныне забытой книжкой «ЧП районного масштаба» и одноименный фильм, в котором изначальный сюжет перекроили до неузнаваемости из соображений политической конъюнктуры...

Памятуя роль творческих элит в уничтожении советского государства, нынешняя власть закармливает российских деятелей культуры вседозволенностью и финансовыми поощрениями. На них обрушивается непрекращающийся денежный ливень. Им позволено писать, ваять, снимать, говорить и показывать практически все, чего их «мятущиеся души» пожелают... Печально известный факт — активисты арт-группы «Война» стали лауреатами премии «Инновация» за 2010 год в номинации «Произведение визуального искусства». Они реально получили от государства премию 400 000 руб. за псевдотворческую акцию, название которой на бумаге воспроизвести нельзя. Кстати, кроме цензуры там было еще «... в плену у ФСБ».

К чему стремиться закармливаемой творческой интеллигенции, если у нее и без того все хорошо? Советские культурные шедевры рождались в условиях жестокого, а зачастую жестокого контроля со стороны государства и скупого финансирования. Фактически сила бюрократического действия рождала силу творческого противодействия...

— Однако многие выдающиеся произведения советского искусства не диссонировали с официальной идеологией!

— Согласен! Множество авторов искренне вдохновлялись коммунистической идеологией. Им была присуща вера в светлое будущее человечества, идеи

свободы, равенства, братства... Уважение к человеческой чести и достоинству. Стремление к постижению истины, четкому представлению о границах добра и зла. Советский патриотизм, наконец.

Если говорить упрощенно, то одни художники советской эпохи творили из протеста, а другие — из согласия. При этом и первые и вторые искренне вдохновлялись тем, во что верили. А откуда черпают вдохновение художники нынешние? Во что они верят? Вдохновенность художника определенными идеями должна читаться или угадываться в его работах! Вы ее видите в современных российских произведениях культуры?

Невозможно творить шедевры, веря лишь в гонорары! А творить что попало на потребу сегодняшнего дня можно!

— **Получается, что коммунистическую идеологию и веру общества в нее вернуть уже нельзя... С государственной идеологией, способной овладеть умами, у нас проблемы... Откуда взяться новому Ренессансу? Вернуть цензуру?**

— Возврат официальной цензуры в России станет первым шагом к самоубийству власти. И власть это понимает. Ответственному художнику вполне достаточно осмысления своих задач, возможностей и места в культурном пространстве в общем потоке движения своего народа в векторе общеизвестных, ясно сформулированных общественных целей... Когда творческий человек это осмыслит, у него появятся внутренние рамки, за которые он сам себе не позволит выйти.

Например, Герцен, издававший свой «Колокол» в Англии без всякой цензуры, вряд ли был абсолютно свободным человеком. Творческая свобода Герцена ограничивалась его же собственными идеями, вдохновлявшими Александра Ивановича на издание революционного журнала «Полярная звезда» и газеты «Колокол»...

— **Если учесть, что Герцен «...развернул революционную агитацию» (цитата из В. И. Ленина) на доходы от оставшихся в России собственных имений, где трудились крепостные крестьяне, то вся его свобода и вовсе становится иллюзией! Как написал Иван Ефремов в романе «Таис Афинская», «Рабовладелец сам раб»!**

— Человеческая история полна курьезов и парадоксов. Как отмечали современники, у императора Александра II на рабочем столе всегда лежал свежий номер герценовского «Колокола», который император прочитывал от доски до доски...

ТУДА, ГДЕ УПАЛ ТУНГУССКИЙ МЕТЕОРИТ...

— **Вернемся к вашей биографии. Как случилось, что вас затянула тема поиска и изучения редких книг и рукописей?**

— Еще в первые годы обучения в университете я благодаря блестящим лекциям Владимира Владимировича Кускова увлекся средневековым искусством. В. В. Кусков — человек очень интересной судьбы. Внук священника. К началу войны он успел окончить Московский институт филологии, литературы и искусства. Прекрасно знал немецкий язык. Воевал с 1941 по 1945 годы. Войну завершил командиром разведроты.

Я очень прикипел к нему как к преподавателю, и мы легко нашли общий язык. После окончания третьего курса Владимир Владимирович предложил мне принять участие в организуемой им археографической экспедиции в Пермскую область. Наш небольшой отряд отправился в глубинку на поиски новых памятников древнерусской книжности с целью их введения в научный и культурный оборот.

Владимир Владимирович вместе со своей аспиранткой Еленой Ивановной Дергачевой-Скоп познакомили меня с необычайным новым миром. Поиск старинных книг и рукописей начинался с розыска старообрядческих поселений, где могли сохраниться раритеты. Старообрядцы не приняли церковные реформы середины XVII века и, чтобы сохранить свою веру и свое восприятие окружающего мира, предпочли самоизоляцию. Они читали исключительно те книги, которые были переписаны или напечатаны в России до раскола. Переписывать дореформенные книги старообрядцы не прекращали никогда. С течением времени они стали находить способы издавать книги, игнорирующие «никонову справу». Старообрядческие книги, датируемые XVIII или XIX веками, как правило, издавали за рубежами Российской империи.

Особенно широко издательская деятельность старообрядцев развернулась после подписания Николаем II Манифеста 1905 года о даровании народу России демократических прав и свобод.

Многие представители старообрядчества входили в культурную и экономическую элиту России. Старообрядцы Рябушинские, братья Третьяковы, Мамонтовы, Морозовы, Солдатенковы были богатыми купцами и промышленниками! Рябушинский на собственные деньги организовал в Москве первую официальную старообрядческую типографию...

Вообще, роль старообрядцев, многие из которых к концу XIX — началу XX века стали ведущими русскими промышленниками и капиталистами, в экономическом рывке в царствование Николая II очень велика!

— Но перечисленные вами купцы жили в городах и неплохо в них себя чувствовали! А как же те, кто живут вдали от нас, грешных?

— У старообрядцев отношение к власти со времени раскола было однозначное отрицательное. Императора Петра I и всех его потомков, занимавших российский престол, они чествуют как антихристов. Такая позиция старообрядцев по отношению к светской и официальной церковной власти исторически объяснима. Один из краеугольных камней раскола — отношение верующих к своему прошлому. Мы и сегодня находимся на таком этапе истории, когда проблема отношения к прошлому определяет не только сегодняшнее бытие, но и формирует модель будущего.

Чем озаменовано наше прошлое, хотя бы ближайший нам XX век? «Только лишь африканцам нужны галоши делали» или вновь «Россию подняли на дыбы»? Совершили индустриализацию аграрной страны, побороли неграмотность, создали собственную техническую интеллигенцию, одержали победу над врагом, пред коим склонилась вся Европа, первыми вырвались в космос... Проецируя принцип старообрядческого отношения к истории на современную обстановку, сам становишься немного старообрядцем...

В Сибири нам доводилось бывать в селениях, которые уже не числились у районных властей как существующие! Когда мы спрашивали селян, которые «держались старой веры», как они умудряются выживать, те без тени сомнения отвечали, что власть им не нужна, поскольку паспортов у них нет и пенсий они

Иван Тарасович Огнев — не только страстный книголюб, но и великолепный мастер-переплетчик.

Старообрядцы из американского штата Орегон приехали в Новосибирск познакомиться с уникальным книжным собранием древнерусских рукописных и старопечатных книг.

Для старообрядца книга — надежный помощник, учитель и друг на все времена.

Новые находки археографов изучают Н. Н. Покровский, А. П. Окладников и В. Н. Алексеев.

Филимон Ермолаевич Вершинин, авторитетный знаток «книжной премудрости». Красноярский край, 1980-е гг.

Дед Иван Чашкин неразлучен с книгой. Томская обл., 1960-е гг.

Елена Ивановна Дергачева-Скоп в женском праздничном наряде «семейских» демонстрирует книжные находки. Начало 70-х гг. XX в.

Василий Ларионович Мальцев, замечательный охотник и рыбак, начитанный и азартный полемист, блистающий остроумием собеседник. Передал археографам уникальные книги и рукописи, сохраненные его отцом из библиотеки разоренного на заре советской власти старообрядческого монастыря.

Родион Мартемьянович Мальцев, старообрядческий наставник с непрекаемым авторитетом и прославленный охотник, со своим семейством. Красноярский край, 1980-е гг.

не получают... Так называемые непишущиеся старообрядцы считают, что любая запись о них в каких-то государственных документах — это уже подпадание под власть антихриста, которая, по их разумению, отсчитывается от времен Петра... Денег они тоже не признают и даже не прикасаются к ним. По их мнению, на них начертаны знаки все того же антихриста.

— Неужели подобный уклад возможен в России XXI века? Сугубо натуральным хозяйством ныне не проживешь...

— Мы спрашивали старообрядцев об этом. Однажды услышали в ответ такое: «От нас в миру живут два человека, страдают за нас, а мы молимся за спасение их душ!» Как выяснилось, эти двое, поступившись, по воле «мира», принципами «отречения от власти», состояли в некоем промысловом хозяйстве, чтобы община через них сдавала государству то, что добывалось в тайге, в основном пушнину. Взамен община, молясь за грехи своих «страдальцев», получала патроны, припасы, муку, все, что не найдешь в сибирской глуши...

Живут эти люди охотой, рыболовством, сбором дикоросов. Старообрядцы — люди работающие и все, за что берутся, делают добросовестно, надежно и в достаточно больших объемах.

Один из секретов выживания старообрядцев в том, что они изначально селились в глухих труднодоступных местах — таежных, предгорных и горных районах. С семидесятых годов прошлого века и до наступления нового столетия мы регулярно ездили в одно село на севере Красноярского края, от которого до ближайшего районного центра было более шестисот километров — и никаких дорог! Добраться туда можно было только по реке или по воздуху. Причем по реке навигация была возможна лишь во время весеннего паводка в мае — начале июня. Вертолетчики нас высаживали на окраине старообрядческого села, всего в 60 километрах от места падения знаменитого Тунгусского метеорита...

— Как получить у этих глубоко верующих людей их религиозные книги, если денег они не берут и все необходимое у них свое?

— Самая сложная задача — установить с этими людьми близкий доверительный контакт. В 60—70-е годы прошлого века в отечественной археографии появилось такое понятие, как «сибирская методика работы со старообрядцами».

В других регионах страны археографам приносили книги, которые давно вышли из обращения. Они были свалены в сараях и на чердаках и могли пропасть в любой момент. Их хранили лишь как память о предках или потому, что жалко выбрасывать... А тут ученые просят это принести и еще деньги платят!..

У сибирских старообрядцев книги читают, по ним поют, молятся и учат детей!.. Взять такую книгу за деньги просто невозможно.

В 1965 году во время первой сибирской экспедиции нам повезло добыть совершенно уникальные экземпляры, принадлежавшие тому самому пласту не выведенных из обращения книг. Важным оказалось осмысление результатов первой сибирской поездки, понимание необходимости накопления опыта работы в специфических условиях, чтобы все это начало давать свои плоды. Дмитрий Сергеевич Лихачев и Александр Михайлович Панченко, ознакомившись с результатами нашей работы, написали статью об «археографическом открытии» Сибири.

— И все же в чем заключается особая «сибирская методика»?

— В общении со старообрядцами мы не ставим себе задачей непременно получить книгу. Мы стремимся стать им максимально близкими людьми. Это

достигается исключительно разговорами... О чем? О собеседнике, его вере, пути его семьи в старообрядчестве, истории его рода. Главное, чтобы все перечисленное вы знали лучше и глубже его самого. Важно все: факты, уважение к этим фактам, их осмысление на более высоком уровне, нежели он себе это представляет... Тогда люди этой культуры проникаются к тебе отношением, в корне отличающимся от того, какое могло возникнуть, если бы ты заявился с кавалерийским наскоком: «Есть у вас старые книги?! Давайте их сюда!»

Мы должны проявить свое понимание того, как важна заинтересовавшая нас книга семейству, в котором она хранилась, быть может, веками. Причем с нашей стороны все должно быть совершенно откровенно, искренне и убедительно. Любую фальшь эти люди чувствуют мгновенно! Для любого старообрядческого семейства ценность и значимость «дониконовой книги» — в первую очередь духовная... Мы никогда не пытались скрывать, насколько эта книга важна для нас, науки и истории страны. Сама Россия — уникальное явление на земном шаре...

Мы на собственном опыте усвоили, что старообрядцы необычайно высоко чтят авторитет Книги. Они не только бережно хранят «древние книги», передавая их и заключенные в них мысли, чувства и знания из поколения в поколение. Но они единственные, кто продолжает от руки переписывать книги, переплетать их в надежные кожанно-деревянные переплеты, поддерживая существование своеобразных средневековых скрипториев — мануфактур по изготовлению книг. Старообрядцы сумели сохранить типично средневековые отношения человека и Книги, которые в эпоху упадка интереса к Книге оказываются очень важными.

Много лет имея дело со старообрядцами и их книгами, удивляешься, как нетрудно в их среде прослыть книголюбом. Крайне редко можно встретить старообрядца, у которого личных книг много. Обычно они держат у себя в доме и постоянно читают две-три, максимум — пять книг.

Всю жизнь читает пять книг — и книголюб?! После беседы с таким начинаешь понимать — действительно, пожилой многомудрый собеседник с живыми глазами и такой богатой речью, которая все реже встречается в обыденной жизни: «Да какие книги? Мы малограмотные, почитываем вот Псалтирь да Евангелие, по праздникам — сборничок письменной. В нем поучения и слова из Пролога — еще от тятиного отца остался, сам его и переписывал...»

Если две-три книги могут всю жизнь духовно окормлять, то какого невысказанного уровня духовности должны были достичь сегодня мы, имеющие дома сотни и сотни книг? Присматриваясь к чтению старообрядцев, начинаешь понимать, что дело не в количестве книг, а в способе чтения.

Обычно сегодня мы берем новую книгу и, «проработав» ее, ставим на полку — всю нужную информацию (в том числе и духовно-эмоциональную) мы из нее вычерпали. Неизвестно, когда и для чего снимем ее с полки снова. Возможно, лишь чтобы освободить место для другой книги, которую ждет такая же судьба.

Кто-то может возразить и привести в пример любимые книги, к которым обращается многократно. Мне кажется, такое обращение таит в себе чудом сохранившийся реликт именно средневекового отношения к Книге.

Такое отношение к Книге и чтению подразумевает не получение «новой информации», эта Книга содержит вечные, неизменяемые божественные истины, дающие истинный смысл земному человеческому существованию и приготавливающие его к вечной жизни. Это содержание твердо усваивается с первых прочтений.

Тогда в чем же *смысл чтения*, что притягивает человека к Книге и заставляет жаждать встречи с ней? Вспоминается трогательнейшая в своей наивности и потрясающая своей человечностью и твердостью сделанного выбора надпись на одной из сибирских рукописных книг: «*Доживу ли я до будущего года, буду ли читать эту книгу?*».

В данном контексте новая информация не в книге. Она — в жизни человека, в каждом прожитом им дне. Книгой с ее вечными незабываемыми истинами он измеряет каждый прожитый день, всю свою земную жизнь. Книжная «информация» становится мерилем Добра и Зла, пробным камнем Истины, индикатором духовной свободы, нравственным ориентиром человека, мерилем его личности, его действий... Все наши предки до раскола были старообрядцами. Соответственно, и мы тоже немножко старообрядцы!

Таким образом человек из священного сосуда под названием Книга извлекает Слово — ту божественную субстанцию, при помощи которой сотворен мир и все сущее. «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ — Слово...» (Евангелие от Иоанна).

Тот же порыв к самопознанию объясняет феномен обращения к давно читанным книгам. С течением времени мы меняемся, и нам подсознательно хочется определить уровень своего изменения с момента последнего прочтения той или иной книги. Тот же архетип связи человека с книгой, что так трепетно сохраняется в старообрядчестве.

— **Кстати, о каких старообрядцах мы говорим? Беспоповцах?..**

— Трепетное отношение к Книге свойственно старообрядцам всех толков и согласий. Книги для них — «суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неизщетаемая глубина; сими бо в печали утешаемы есмы; си суть узда воздержанью...» («Повесть временных лет»).

Книга является старообрядцам в разных ипостасях: «очи духовные», «разумное видение», «податель добродетели», «услуга знания», «кормчий в путешествии по морю житейскому», «мудрый наставник». Чтение служит главным средством их духовно-нравственного совершенствования и становится непреложной частью исполнения главных христианских правил.

Книга в беспоповских, но всегда мыслящих себя в лоне Русской православной церкви старообрядческих согласиях при отсутствии священства выполняет роль духовного окормителя. В связи с этим старообрядцы уделяют особое внимание описанию самого акта чтения. Здесь они следуют традициям древнерусских книжников, известным по многочисленным «учительным» сборникам.

Например, поморский старообрядец в начале XVIII века, переписывая огромный фолиант под названием «Цветник», так излагал свой вариант известной в древнерусской книжной традиции аллегории: «Сладостен убо цветник и рай — много же сладостнее книжное почитание и разум... Рай работает временным нуждам — писания же и в зиму и в жатву растят листовые, тяжуще плоды — внимаем убо книжному прочтанию».

— **Меня всегда интересовала причина почти социалистического равенства старообрядцев...**

— После раскола лишь один иерарх открыто не поддержал реформу патриарха Никона — епископ Павел Коломенский. Он был сослан из Москвы и предан мучительной смерти... Сегодня, ориентируясь на гениальную картину нашего земляка-сибиряка Василия Сурикова «Боярыня Морозова», мы судим

об этом времени поверхностно... В действительности Феодосия Морозова и ее сестра Евдокия Урусова были заточены вначале в Чудов монастырь, а затем — в земляную тюрьму в Боровске, где их обеих уморили голодом. Протопопа Аввакума прогнали по самым немыслимым ссылкам и сожгли живьем в Пустозерске...

В итоге не осталось ни единого церковного иерарха, исповедующего старую веру и могущего рукополагать в священный сан. Тем самым старообрядчество было на века лишено священства. «Равенство — братство» старообрядцев и их согласий — это иллюзия. Объединение, созданное не внутренними убеждениями, а внешними обстоятельствами, не может жить долго. Поэтому позже раскол продолжился уже в старообрядческой среде.

— Но ведь встречаются старообрядцы, у которых есть священники?

— Вы говорите о согласии беглопоповцев. Его представители скрепя сердце отправляли своих адептов в официальное православие. Те поступали в духовную семинарию и получали священнический чин. За вынужденное вероотступничество на них общиной накладывалась епитимья (наказание). По истечении ее срока они отрекались от никонианского православия и становились уже старообрядческими священниками...

— Вы упоминали фамилии известных купцов и промышленников. Но владение мануфактурами и пароходами как-то не вяжется с традиционными представлениями о старообрядчестве...

— Многие современные исследователи делают акцент на сходстве старообрядчества с протестантизмом. Можно бесконечно долго дискутировать и не соглашаться с этой точкой зрения... Могу согласиться лишь с одним: эти два религиозных течения способствовали появлению в западном и в русском мире нового типа человека. Самодостаточный предприниматель, способный собственными усилиями достичь успеха, во многих странах оказался опорой капиталистических отношений. Старообрядцы в силу жизненных обстоятельств и по сей день самодостаточны, предприимчивы и стойки в сложных жизненных ситуациях.

Начиная с XVII века российское государство преследовало их по всем возможным направлениям. Чтобы выжить и сохранить свою веру, общину, семью и самих себя, они должны были быть сильными. Это воспитывает не только индивидуальный, а массовый, национальный характер... Недаром Пушкин писал: «Самостоянье человека — залог величия его!»

Поэтому старообрядцы — люди цельной натуры, умные, предприимчивые, не надеющиеся на «дядю», к тому же — отличные воины! К примеру, почти все стрельцы XVII века были старообрядцами...

Близкий и дорогой моему сердцу Родион Мартемьянович Мальцев известен в Сибири не только как авторитетный старообрядческий наставник, но и как успешный и удачливый охотник — он убил более 60 медведей! «Про меня два раза “Правда” писала, — рассказывал Родион. — Один раз наша, районная, другой раз — главная, центральная».

Родион Мартемьянович — талантливый рассказчик с яркой живой речью, слушать которого огромное удовольствие.

— Больше шестидесяти медведей я положил... Последнего своего медведя я еще не положил, ходит еще, но я его разыщу! Прошлым летом построил я в лесу новую охотничью избушку, завез припасы, а в бочку с крупой спрятал две бутылки водки. Осенью миша проломил крышу, забрался в избушку и ладно все

порушил. Бочонок с двумя бутылками укатил так, что я не смог его найти! Я с ним поквитаюсь, разыщу вору — две бутылки, вишь, украл!

— Да-а... столько медведей я положил... А знаешь, почему я это смог сделать? Каждый раз, как я целюсь в мишу, я не спускаю курок сразу, а говорю тихонько или про себя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Спаси и помилуй мя!» А потом стрелю...

В свою 84-ю зиму Родион на лыжах, в добром овчинном тулупчике отправился из своей охотничьей избушки проверять поставленные на соболя капканы. Одного капкана не обнаружил — зверь сбежал вместе с капканом. Родион погнался за зверем спасать железный капкан. На первом же километре бега по целине взопреп и, чтобы быстрее и ловчее настичь зверя, сбросил тулупчик — «мешает, на обратном пути заберу». Настиг зверя, выручил капкан и соболя добыл.

На обратном пути на землю обрушился буран, и до тулупчика Родион добрался изрядно промерзший. Почувствовав себя худо, он вернулся в поселок, «к своим». На третий день Родион Мартемьянович скончался от воспаления легких...

Жизнь — это цепь причин и следствий. Причиной старообрядческого самостояния стала изоляция от остального российского общества, а следствием — способность находить единственно правильные решения в любых ситуациях: будь то борьба за выживание в суровой сибирской природе либо борьба за первенство в не менее суровой предпринимательской среде. Все объяснимо!

— **В восьмидесятых годах прошлого века я работал в газете «Комсомолец Киргизии». Меня всегда удивляло, что по берегам Иссык-Куля были разбросаны села с русскими названиями: Григорьевка, Покровка, Теплоключенка, Михайловка, Семеновка... Как мне объяснили позже, в свое время сюда бежали русские старообрядцы....**

— А чего вы хотите? Преследования со стороны государства старообрядцы испытывали огромные! Еще Петр I обложил их двойной подушной податью. Поэтому они бежали в края, труднодоступные для российской власти!

В бывших прибалтийских республиках СССР по сей день живут общины русских старообрядцев. На территории Королевства Польского они тоже обосновались примерно в то же время.

Как-то раз в конце 1960-х годов мы отправились в археографическую экспедицию в Бурятию, где познакомились с общиной старообрядцев, утверждавших, что они не такие, как остальные единоверцы, а «семейские»! Когда мы спрашивали: «Отчего вы называетесь “семейскими”?» — они отвечали: «Мы всегда держимся семьями, потому и “семейские”! Еще при Екатерине II, когда Польша, в которой мы жили, отошла к России, царица отправила нас жить в Забайкалье. И мы поехали сюда семьями!»

С нашей точки зрения, это утверждение не выдерживало никакой критики. В Сибирь все переселенцы ехали семьями, но «семейскими» их никто не называл. В 1772 году императрица Екатерина II, к моменту правления которой Забайкалье было присоединено к Российской империи, озаботилась освоением этих территорий русскими людьми и предложила старообрядцам переселиться сюда на правах свободных пашенных крестьян не с двойным, а с одинарным подушным налогом.

За Байкалом им выделили не самые плодородные земли. Но трудолюбие и приверженность строгим правилам сделали свое дело — скоро они добились успехов в сельском хозяйстве и стали самой зажиточной этнической группой региона.

Я с иронией относился к их утверждению, что они «семейские» от слова «семья»! В конце концов нашел одного деда, который мне сказал: «А ты знаешь, парень, мы ведь до того, как прийти сюда, жили на Сейме!» Это был момент истины...

— **На Сейме?..**

— Это левый приток Десны, впадающей в Днепр. Древнее ее название «Семь»! После переезда старообрядческой общины в Забайкалье привязка к топониму Сейм в названии «семейские» потеряла актуальность и забылась. Проще всего было привязать его к переселению семьями...

У этой группы русских старообрядцев совершенно необыкновенная культура. Их уникальная самобытность занесена ЮНЕСКО в список шедевров всемирного нематериального наследия человечества. Традиционные праздничные наряды семейских женщин напомнили мне картины Филиппа Малявина!

Повседневно они носили яркие цветастые до земли сарафаны и запоны (передник такой). Обязательной была кичка на голове, на которую наматывался огромный платок, а на груди низка янтарных бус!

Первый директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР Алексей Павлович Окладников радел за создание при институте как можно более разнопланового музея. Когда мы ему рассказали, что у забайкальских старообрядцев сохранились образцы одежды еще с XVII века, он загорелся идеей получить такие экспонаты в музей. Даже нашел денег на приобретение костюмов и попросил нас привезти из Забайкалья что-нибудь из старинной одежды.

Мы за бешеные по тем временам деньги (100 рублей!) купили роскошные летний и зимний женский наряды. Там была даже шуба, как ее в старину называли, «спустя рукава» — с длиннейшими рукавами, которые завязывали за спиной. Знаете, зачем? (Смеется.) Такую шубу надевал человек, желающий показать, что ему глубоко чужда работа руками... Еще мы купили замечательную низку янтарных «семейских» бус. В этих бусах янтарь был обработан примитивным кустарным способом, а центральный, самый большой по размеру, камень окантовывался узкой серебряной пластинкой с узором.

— **Откуда в Бурятии взяться янтарю?**

— Именно этот вопрос заставлял меня искать исторически достоверное объяснение самоназвания забайкальских старообрядцев и непременной детали праздничного наряда их женщин. Лишь только подрастали молодые девушки, у них появлялись янтарные бусы! В общине янтари передавались в семье «из рода в род». Все связалось воедино, когда сложилась логическая связь «река Сейм — «семейские» старообрядцы — Забайкалье». Сейм близок к Балтике. Следует предположить, что предки «семейских» имели возможность запастись янтарем для украшений своих женщин.

— **Давайте вернемся к старинным книгам и рукописям. Насколько важен «книжный аспект» русской культуры востока страны?**

— «Книжное прилежание» — важнейший элемент христианства и одна из самых ярких черт русских старообрядцев. Например, в Забайкалье, наряду с интереснейшими находками русских старопечатных книг XVI—XVII веков, нам попадались маленькие (одна тридцать вторая листа) старообрядческие книги, изданные кустарным способом после 1917 года с выходными данными: «Отпечатано в типографии Забайкальца Спиридона».

— Тема старообрядчества всегда интересовала публику. Особенно в советские времена. Достаточно вспомнить ажиотаж, когда В. М. Песков в 1982 году начал публиковать в «Комсомольской правде» цикл очерков «Та-жнѣй тупик» о житье-бытьѣ семьи отшельников Лыковых...

— Это была сенсация! Ранее в советской прессе этот пласт нашей действительности вообще не освещался. Впрочем, о Лыковых мы узнали раньше Василия Михайловича! Мы были в очередной экспедиции на севере Красноярского края и сидели в ожидании самолета в аэропорту поселка Бор. В те времена подобное ожидание могло растянуться на много дней. (Смеется.)

Там и познакомились с такими же скитальцами-ожидальцами, членами экспедиции из Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья. Они изучали окрестности Енисея на предмет залегания полезных ископаемых. Начальник их археологической партии рассказал, что одна из экспедиций его НИИ на юге Красноярского края столкнулась с семьей старообрядцев Лыковых, в 1930-е годы скрывшихся от цивилизации в хакасской тайге.

Я эту информацию зафиксировал и по прибытии в Новосибирск стал искать сведения о старообрядцах на юге Красноярского края. Снаряжать целую экспедицию в Хакасию ради одной семьи было для нас слишком расточительно. Лимиты на подобного рода поездки на тот год были исчерпаны. Поэтому отправили на разведку к Лыковым лишь одного молодого сотрудника.

В силу понятных причин нас интересовал не их образ жизни, описанный Песковым, а их книги и книжные интересы. Отправленный сотрудник до Лыковых добраться не сумел. Попастъ к ним можно было лишь с оказией, на вертолете. Зато он подробно расспросил всех, кто уже побывал в этой семье. Каких-то особо «приметных» книг в семье Карпа Осиповича Лыкова очевидцы припомнить не смогли. Поэтому мы исключили это направление из сферы нашего внимания.

— **Может быть, в силу частых встреч со старообрядческим бытом вам и вашим коллегам вся эта экзотика казалась обыденностью... Но что вас больше всего поразило в этой среде?**

— Неприятие всего, что связано с государством. Как-то в одном из районов Томской области мы пешком, практически наугад, добирались до села, которого не было на картах. По непроверенным данным, там было поселение старообрядцев.

Мы его нашли, разговорились с жителями. Они оказались «непишущими» беспаспортными старообрядцами. И я их спрашиваю:

— Как же вы так живете? Двадцатый век на дворе, вертолеты над вами летают! А в сельсовете о вашем поселке ни сном ни духом!

— Это хорошо! — отвечают. — Нам так и надо, чтоб о нас не знал никто! А вертолеты пусть себе летают!

— А если узнают? — спрашиваю. — Узнают да придут?

— Ну, если придут да начнут что-нибудь богопротивное с нами делать, так мы снимемся на другой день и уйдем! Пусть потом ищут!

Нам с вами трудно представить, что можно так «сняться» с насиженного места и уйти! Для них это в порядке вещей...

Поражает и то, что на вопрос представителя власти «Как твое имя?» они отвечали: «Раб Божий». По их убеждению, если власть от антихриста, а имя дает Бог, то зачем его выдавать антихристу?

Именно в той экспедиции мы нашли роскошную рукопись, которая произвела сенсацию в научной среде. Она сыграла важную роль в полемике между апологетами подлинности «Слова о полку Игореве» и скептиками...

— **Нельзя ли подробнее?!**

— Все учившиеся в средней школе слышали о таком шедевре древнерусской словесности, как «Слово о полку Игореве»... Это произведение впервые было опубликовано в 1800 году в Петербурге очень малым тиражом. Издал книгу на свои средства бывший обер-прокурор Святейшего синода граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин. Как говорил сам граф, рукопись «Слова» он купил у настоятеля Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле архимандрита Иоиля Быковского.

При московском пожаре 1812 года дом Мусина-Пушкина вместе с собранием редких книг и рукописей сгорел. Оригинал «Слова», по которому был издан текст в 1800 году, погиб в огне. Это дало повод в дальнейшем сомневаться в подлинности «Слова о полку Игореве», вернее, в датировке его написания. Скептики утверждали, что произведение написано не сразу после неудачного похода Игоря на половцев в XII веке, а в середине или конце XVIII века.

Основная масса скептиков жила и работала в Москве. Те же, кто признавал подлинность «Слова», представляли собой Петербургскую (в дальнейшем — Ленинградскую) научную школу. Москвичи полагали, что истинным автором текста является архимандрит Иоиль Быковский... «Ломание копий» по этому поводу продолжалось до конца XX века и не утихло до сих пор.

Однако вернемся к экспедиции на север Томской области. Как вы помните, в случае давления со стороны представителей власти старообрядцы были готовы уйти. На этот случай у них в лесу были предусмотрены особые схроны. Чтобы спрятанное не портилось от сырости, его паковали в деревянные бочки, которые наглухо забивались и просмоливались. Однако со временем герметичность все же нарушалась. Именно из такой отсыревшей бочки нам посчастливилось получить уникальнейшую книгу!

Это был сборник, составленный из рукописей самой различной датировки. Там были части, относящиеся к XV—XVII векам. Когда удалось раскрыть отсыревший том, перед нами предстал текст XV века, в котором прослеживалось стилистическое сходство со «Словом о полку Игореве»:

Треснуша копия харалужные,
звонят доспехи злаченья,
стучат щиты червленья,
и многа напрасно биющихся,
не токмо оружием биющихся,
но и сами о собя избивахуся
и под конскими копытами умираху.

В те времена в Новосибирске не было реставраторов, которые могли бы спасти этот сборник. Поэтому рукопись несколько лет провела в реставрационной мастерской Библиотеки имени Ленина в Москве...

Беседовал Андрей Челноков

Окончание в следующем номере.